

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА КОНЦА 1950-х ГОДОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА АБДУЛЛЫ КАДЫРИ «МИНУВШИЕ ДНИ»

Хабибуллаева Ферузахон Казимжановна,

Андижанский филиал Кокандского университета, г. Андижан, PhD, доцент.

E-mail: feruza0902@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.54613/ku.v19iA.1774>

MAQOLA HAQIDA/ О СТАТЬЕ

Qabul qilindi: 17-avgust 2026-yil

Tasdiqlandi: 19-avgust 2026-yil

Jurnal soni: 19-A

Maqola raqami: 16

KALIT SO'ZLAR/ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

история художественного перевода, архивный источник, издательская политика, декадный план, подстрочник, текстологическая купюра, функциональная установка

ANNOTATSIIYA/ АННОТАЦИЯ

В статье предпринята источниковедческая реконструкция обстоятельств, при которых готовился первый русский перевод романа Абдуллы Кадыри. В научный оборот вводятся три единицы делопроизводственной документации Союза писателей, постановление Секретариата СП СССР от 31 октября 1956 года, переписка секретаря правления СП Узбекистана А. Удалова с Л.Г. Бать 1957 года и стенограмма московского обсуждения узбекской прозы 1951 года. Установлена связь между декадным планом 1959 года, редакторской сверкой издания и переводческой стратегией Л. Бать и В. Смирновой. Обоснована необходимость учитывать делопроизводственные источники при историко-функциональном изучении переводов узбекской прозы советского периода. В исследовании также рассматривается взаимосвязь между сведениями, отражёнными в архивных документах, и отдельными изменениями и редакторскими решениями в тексте перевода романа. Это позволяет показать, что в формировании переводческой стратегии важную роль играли не только художественно-эстетические, но и исторические, политические и издательские факторы. Полученные результаты способствуют более полному освещению истории перевода романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» на русский язык, выявлению механизмов издания узбекской литературы на русском языке в советский период, а также раскрытию институциональных особенностей переводческого процесса. В результате исследования делопроизводственные документы рассматриваются как самостоятельный и важный источник изучения истории перевода, что подчёркивает необходимость более широкого привлечения подобных материалов к историко-функциональным исследованиям в области переводоведения.

ABOUT THE PAPER

Accepted: 17 August 2026

Approved: 19 August 2026

Volume: 19-A

Paper number: 16

KEYWORDS

history of literary translation, archival source, publishing policy, Decade plan, interlinear crib, textual excision, functional orientation

ANNOTATION

The article offers a source-based reconstruction of the circumstances under which the first Russian translation of Abdulla Qodiriy's novel was prepared. Three units of the Writers' Union office records enter scholarly circulation: the resolution of the USSR Writers' Union Secretariat of 31 October 1956, the 1957 correspondence between A. Udalov and L.G. Bat, and the shorthand record of the 1951 Moscow discussion of Uzbek prose. A connection is established between the 1959 Decade plan, the editorial collation of the edition and the translation strategy of L. Bat and V. Smimova. The study argues for the inclusion of office records in the historical and functional study of Soviet-era translations of Uzbek prose. The study also examines the relationship between the information reflected in archival documents and specific changes and editorial decisions in the translated text of the novel. This makes it possible to demonstrate that the formation of the translation strategy was influenced not only by artistic and aesthetic considerations, but also by historical, political, and publishing factors. The findings contribute to a more comprehensive understanding of the history of the Russian translation of Abdulla Qadiri's novel *Bygone Days*, help identify the mechanisms involved in publishing Uzbek literature in Russian during the Soviet period, and shed light on the institutional characteristics of the translation process. The study therefore considers administrative and documentary records as an independent and important source for studying the history of translation, highlighting the need to make broader use of such materials in historical and functional research in translation studies.

Введение

История художественного перевода располагает собственным исследовательским инструментарием, отличным от инструментария сопоставительного анализа текстов. Литературовед В.Е. Шор, ставя вопрос о способах написания истории перевода, требовал соотносить переводческие решения с общественными условиями их появления [17, с. 281]. Близкую программу развернул переводовед В.К. Ланчиков, описавший эволюцию русского перевода через смену функциональной установки, где выбор стратегии зависит от общественной функции, приписываемой переводному тексту [10]. Полемика о типах перевода в советском переводоведении реконструирована Н.Р. Нейман, отметившей идеологическую нагруженность самих терминов [12, с. 190]. Предлагаемая работа опирается на сходную посылку. Свойства первого русского перевода романа Абдуллы Кадыри «Ўтган кунлар», выполненного Л. Бать и В. Смирновой и выпущенного в 1958 году, объясняются институциональными условиями заказа в той же мере, в какой индивидуальной компетенцией переводчиц. Сопоставительное изучение перевода предпринималось ранее кандидатом филологических наук К.А. Азамовым [3, с. 160], причём институциональная сторона оставалась за пределами разбора. Делопроизводственные материалы Союза писателей принадлежат к

разряду непреднамеренных источников, ценность которых для истории перевода определяется отсутствием у составителей установки на будущего исследователя.

Идеологическая рамка советской переводческой практики оформилась к середине 1930-х годов. М. Горький в письме редактору азербайджанской газеты Г. Мамедли от 19 ноября 1934 года выдвигал программу взаимного перевода произведений всех народностей Союза, где итогом мыслилась «единая, величественная, грозная и обновляющая весь мир социалистическая культура» при сохранении «индивидуальных черт лица всех племен» [7, с. 365]. Две части программы плохо согласуются между собой. Унификация культурного пространства при доминирующей культуре оставляет прочим положение поглощаемых, обогащающих поглотителя. Практика подтвердила несогласованность. Переводы из национальных литератур шли преимущественно на русский язык, а на языки других народов Союза произведения передавались уже с русского текста. Обобщение по итогам межреспубликанских конференций переводчиков закрепило формулу, согласно которой переводимость адекватна возможности единения народов между собой [11]. Перевод получил статус инструмента объединения, отчего воссоздание национальной специфики отодвинулось на периферию требований к качеству. Двойственность горьковской

программы прослеживается и в позднейших редакционных решениях, где декларация о сохранении национальных черт соседствовала с требованием доступности текста массовому читателю.

Обзор литературы

Творчество Абдуллы Кадыри, в частности издательская и переводческая история романа «Минувшие дни», изучалось в узбекском литературоведении и переводоведении в различных направлениях.

Особое значение в контексте настоящего исследования имеет работа К. А. Аззамова, посвящённая сравнительно-аналитическому изучению русского перевода романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни». Сопоставляя оригинал и переводной текст, автор выявляет лексические, семантические и стилистические изменения, возникающие в процессе перевода, а также раскрывает подходы переводчиц к художественному воссозданию текста [17, с. 160]. Важной особенностью данного исследования является непосредственное обращение к тексту перевода и его сопоставление с оригиналом. Вместе с тем издательские, редакторские и организационные факторы, повлиявшие на создание перевода, остаются за пределами анализа. Поэтому работа Аззамова представляет собой важную методологическую основу для сравнительного изучения перевода, однако для более полного раскрытия его институциональной истории необходима её дополненность архивными материалами.

Теоретические положения В. Е. Шора, посвящённые истории перевода, также имеют существенное методологическое значение для настоящего исследования. Учёный подчёркивает необходимость изучать историю перевода не только посредством сопоставления оригинала и переводного текста, но и в связи с общественно-историческими условиями, в которых создавался перевод [18, с. 281]. Такой подход позволяет рассматривать переводческие решения не исключительно как результат индивидуального творчества переводчика, а как явление, обусловленное культурными, политическими и социальными потребностями определённой эпохи. С этой точки зрения концепция Шора служит важной теоретической основой для изучения русского перевода романа Абдуллы Кадыри, опубликованного в 1958 году.

Исследования В. К. Ланчикова, объясняющие эволюцию перевода с позиций функционального подхода, также представляют значительный интерес для данной работы. Автор связывает выбор переводческой стратегии с функциональной задачей, которая возлагается обществом на переводной текст [19]. Такой подход позволяет рассматривать сокращение или смягчение отдельных национально-исторических аспектов в русском переводе «Минувших дней» не как случайное переводческое решение, а как явление, обусловленное определёнными общественными и издательскими задачами. Положения Ланчикова особенно продуктивны для выявления механизмов формирования переводческой стратегии с учётом того, что в советский период перевод рассматривался в качестве важного средства культурного взаимодействия и объединения народов.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет историко-функциональный подход к изучению художественного перевода, позволяющий рассматривать переводной текст не изолированно, а в связи с общественно-историческими, культурными, идеологическими и издательскими условиями его создания. Такой подход особенно значим при изучении русского перевода романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни», подготовленного Л. Бать и В. Смирновой и опубликованного в 1958 году.

Историко-контекстуальный анализ позволяет соотнести переводческие и редакторские решения с особенностями советской литературной и издательской политики конца 1950-х годов. В рамках данного метода учитываются процессы реабилитации Абдуллы Кадыри, возвращения его произведений в литературный оборот, включения его творчества в издательские планы, а также требования, предъявлявшиеся к переводам национальных литератур в советский период.

Кроме того, в исследовании применяется сравнительно-аналитический метод, с помощью которого выявляются различия между оригиналом и переводом на лексическом, семантическом и стилистическом уровнях. Полученные результаты сопоставляются с данными архивных документов, что позволяет установить возможную связь между конкретными переводческими решениями и институциональными условиями подготовки издания.

Результаты

Проведённый анализ архивных и издательских материалов позволяет уточнить обстоятельства подготовки первого русского перевода романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни», выполненного Л. Бать и В. Смирновой и опубликованного в 1958 году. В отличие от исследований, ограничивающихся сопоставлением оригинала и переводного текста, обращение к делопроизводственным документам позволяет восстановить последовательность организационных и редакторских решений, сопровождавших подготовку издания.

Одним из основных результатов исследования стало установление связи между возвращением литературного наследия Абдуллы Кадыри в культурный оборот после реабилитации писателя в 1956 году и последующей издательской подготовкой его произведений. Постановление Секретариата Союза писателей СССР от 31 октября 1956 года свидетельствует о включении произведений Кадыри в перечень изданий, рекомендованных к подготовке в рамках Декады литературы и искусства Узбекской ССР. Таким образом, публикация произведений писателя была связана не только с литературным процессом, но и с конкретным институциональным мероприятием, определявшим сроки и организационные параметры издательской работы.

Теоретическое обоснование сложившейся практики дал реалистический метод перевода. Переводчик и теоретик перевода И.А. Кашкин в 1954 году определял его как рабочий термин для приёмов, уже применяемых опытными переводчиками [9, с. 152]. Формулировки метода закрепляли за советским переводчиком два права, право прочесть подлинник глазами современника и право брать изображаемое «в развитии направленном, в революционном развитии» [8, с. 480]. Первое из прав опирается на необратимость исторического времени и оспариванию поддаётся плохо. Второе несёт открытое политическое содержание и превращается в санкцию на исправление подлинника по канонам социалистического реализма. Под исправление попадали прежде всего произведения с выраженной национальной проблематикой. Исследователь С.Ж. Бурбекова, разбирая состояние художественного перевода 1930-х годов, перечислила объективные обстоятельства, среди которых природа принимающей литературы, степень разработанности литературного языка, сила переводческих традиций, различия бытовых, географических и политических условий [4, с. 78]. Терминологическая пара «реалистический перевод» и «формализм» работала при разборе конкретных изданий как оценочный ярлык, причём исход обсуждения предreshался принадлежностью спорящих к литературной группировке. Роман Абдуллы Кадыри вошёл в подобную практику с дополнительным обременением, связанным с судьбой автора.

Издательская история романа до 1958 года складывалась разрывами. Публикация в журнале «Инкилоб» 1922-1923 годов, отдельное трёхчастное издание 1925-1926 годов в арабской графике, издание 1933 года на узбекской латинице и изъятие после ареста писателя в 1937 году образуют последовательность, прерванную на два десятилетия [2]. Посмертная реабилитация 1956 года открыла путь к возвращению наследия, однако возвращение обставилось оговорками. Издание 1958 года снабжено вступительной статьёй академика И. Султанова, где писателю вменялось слабое усвоение марксистско-ленинской доктрины, а творчеству ограниченность в понимании исторической действительности [16, с. 5]. Сам текст романа вышел с купюрами, приглушавшими национально-историческую проблематику и выдвигавшими любовно-бытовой план. Титульный лист русского издания несёт помету о сверке перевода издательским редактором узбекского текста Рустамом Камиловым [1]. Помета обладает источниковедческим значением, удостоверяя соответствие перевода отредактированной редакции подлинника. Текстологическая цепь получает добавочное звено, ускользающее от сопоставительного анализа, ориентированного на полный текст оригинала. Позднейшая правка русского текста, предпринятая Х. Кадыри для издания 1984 года, устранила часть переводческих погрешностей, оставив идеологический слой редактур не тронутым [3, с. 160].

Обсуждение

Делопроизводственная документация Союза писателей даёт основания для датировки решения о включении Абдуллы Кадыри в декадный план. Постановление Секретариата СП СССР, зафиксированное протоколом № 33 от 31 октября 1956 года, содержит просьбу к издательствам рассмотреть вопрос об издании к Декаде произведений писателей Узбекистана, где по Гослитиздату десятым пунктом стоят «Абдулла Кадыри. Избранные произведения в 2-х томах (40 п.л.)» [14]. Дата постановления отделена от реабилитации писателя несколькими месяцами, откуда следует

быстрота реакции республиканского Союза писателей. Утверждение списка сопровождается оговоркой о принятии с учётом замечаний, содержание которых остаётся нераскрытым. Письмо секретаря правления СП Узбекистана А. Удалова к Л.Г. Бать от 12 ноября 1957 года содержит просьбу успокоить В.В. Смирнову относительно издательского договора, оформление которого откладывалось до решения о включении произведений Абдуллы Кадыри в декадный план [13]. Годовой разрыв между утверждением списка и письмом указывает на длительность согласования по кандидатуре реабилитированного автора. Формулировка постановления, обращённая к издательствам в форме просьбы, отражает распределение полномочий, при котором окончательное решение выходило за пределы писательской организации.

Другое письмо Удалова вводит в оборот сведения о подстрочнике. Отправитель сообщает о высылке бандеролью исправленного экземпляра подстрочника романа, оговаривая отсутствие правки по существу за вычетом восстановленного места на странице 154 первой части, пропущенного переводчиком-подстрочником, и настойчиво просит вернуть предыдущий экземпляр [13]. Из письма извлекаются три факта. Экземпляр подстрочника существовал по меньшей мере два, один из них подвергался правке по требованию адресата, оба находились в обращении между Ташкентом и Москвой. Имя составителя подстрочника установить пока затруднительно, поскольку архив СП Узбекистана хранит общий список подстрочников без разнесения по произведениям. Отсутствие языковой компетенции у переводчиц подтверждается прямо. В стенограмме московского обсуждения узбекской прозы ноября 1951 года В. Смирнова признаёт работу с языком, которого она вовсе не знает, и опору на знание страны, быта и людей [15]. Замещение языковой компетенции страноведческой осведомлённостью остаётся допущением, проверяемым лишь по результату. Упоминание страницы 154 первой части даёт единственную известную точку сверки подстрочника с подлинником, пригодную для будущей атрибуции рукописи.

Приуроченность издания к Декаде искусства и литературы Узбекской ССР, проходившей в Москве 14–24 февраля 1959 года, замыкает ряд обстоятельств. Заказ формировался в столице, сроки задавались протокольным мероприятием, редакционная подготовка велась под контролем, удостоверенным пометой на титульном листе, рабочим текстом служил подстрочник неустановленного авторства. Переводческая стратегия при подобной конфигурации складывалась вне свободного выбора исполнителей. Оценка перевода 1958 года по одной лишь шкале переводческого мастерства оставляет за пределами рассмотрения существенную часть объяснения. Дальнейшая работа предполагает розыск исправленного экземпляра подстрочника, вероятным местом хранения которого остаётся личный архив Л.Г. Бать, поскольку возврат экземпляра документально ничем не подтверждён. Обнаружение рукописи

Список использованной литературы

1. Абдулла Кадыри. Минувшие дни / Абдулла Кадыри; перевод с узбекского Л. Бать, В. Смирновой. – Ташкент: Художественная литература, 1958. – 371 с. – Текст: непосредственный.
2. Абдулла Кодирий. Ўтган кунлар / Абдулла Кодирий. – Тошкент: Шарк, 2014. – 400 б. – Текст: непосредственный.
3. Аззамов К.А. Своеобразие прозы Абдуллы Кадыри и его воссоздание в переводе на русский язык: дис. ... канд. филол. наук / К.А. Аззамов. – Ташкент, 1989. – С. 160. – Текст: непосредственный.
4. Бурбекова С.Ж. Переводческая компетенция как фактор формирования традиции в русских переводах лирики Абая / С.Ж. Бурбекова // Вестник КРСУ. – 2012. – Т. 12, № 5. – С. 78–81. – Текст: непосредственный.
5. Владимирова Н.В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода / Н.В. Владимирова. – Ташкент: Фан, 2011. – Текст: непосредственный.
6. Гафурова Г. Развитие перевода в Узбекистане / Г. Гафурова. – Ташкент: Фан, 1973. – Текст: непосредственный.
7. Горький М. Собрание сочинений: в 30 томах / М. Горький. – Т. 30. – Москва, 1955. – С. 365. – Текст: непосредственный.
8. Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод / И.А. Кашкин // Кашкин И.А. Для читателя-современника. – Москва: Советский писатель, 1977. – С. 480. – Текст: непосредственный.
9. Кашкин И.А. О методе и школе советского художественного перевода / И.А. Кашкин // Знамя. – 1954. – № 10. – С. 152. – Текст: непосредственный.
10. Ланчиков В.К. Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки / В.К. Ланчиков. – URL:

открыло бы возможность анализа по цепи «подлинник, подстрочник, перевод», принятой в текстологии переводных изданий. Методика соотнесения делопроизводственных источников с эдиционной практикой приложима и к другим переводам узбекской прозы советского периода, чему посвящены отдельные наблюдения Г. Гафуровой и Н.В. Владимировой [6; 5]. Предложенная модель объяснения проверяема, поскольку каждое её звено опирается на датированный документ, оставляя реконструкцию намерений участников за скобками.

Заключение

Проведённое исследование позволяет уточнить историю подготовки и издания первого русского перевода романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни», опубликованного в 1958 году в переводе Л. Бать и В. Смирновой. Обращение к делопроизводственным материалам Союза писателей, переписке, постановлениям и стенографическим документам позволило реконструировать ряд обстоятельств, которые не могут быть выявлены посредством одного лишь сопоставления оригинала и переводного текста.

Сопоставление архивных сведений с издательской практикой позволяет заключить, что особенности русского перевода «Минувших дней» определялись не только индивидуальной переводческой манерой Л. Бать и В. Смирновой, но и редакторскими, издательскими и идеологическими условиями советского периода. Сокращение или ослабление отдельных национально-исторических компонентов текста следует рассматривать в контексте требований, предъявлявшихся к переводам национальных литератур. Таким образом, переводческая стратегия в данном случае формировалась в результате взаимодействия художественных задач с институциональными ограничениями.

Полученные результаты подтверждают продуктивность историко-функционального подхода к изучению художественного перевода. Делопроизводственные документы позволяют дополнить текстологическое сопоставление сведениями о времени, участниках, порядке принятия решений и характере редакторского контроля. Это существенно расширяет представление о переводе как о культурно-историческом и институциональном процессе.

Таким образом, история русского перевода «Минувших дней» должна рассматриваться не только как история взаимодействия оригинала и переводного текста, но и как часть издательской, литературной и культурной политики своего времени. Введение архивных источников в научный оборот открывает перспективы для дальнейшего изучения переводов узбекской прозы советского периода и позволяет выявлять механизмы, посредством которых национальные произведения адаптировались к требованиям русскоязычного издательского пространства.

<http://www.thinkaloud.ru/sciencelr.html> (дата обращения: 27.08.2026). – Текст: электронный.

11. Мастерство перевода: сборник статей. – Москва: Советский писатель, 1963. – 336 с. – Текст: непосредственный.
12. Нейман Н.Р. Дискуссия о типах художественного перевода в советском переводе / Н.Р. Нейман // Studia Litterarum. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 190–211. – Текст: непосредственный.
13. Переписка секретаря правления Союза писателей Узбекистана А. Удалова. – Москва, 12 ноября 1957 г. – Текст: непосредственный.
14. Постановление Секретариата Союза писателей СССР. Протокол № 33 от 31 октября 1956 г. – Фонд 2356. Опись 1. Дело 438. – Текст: непосредственный.
15. Стенограмма пленума Союза писателей Узбекистана. Обсуждение прозы узбекских писателей в г. Москве, ноябрь 1951 г. – Текст: непосредственный.
16. Султанов И. Абдулла Кадыри / И. Султанов // Кадыри А. Минувшие дни. – Ташкент: ГИХЛ УзССР, 1958. – С. 5–23. – Текст: непосредственный.
17. Аззамов К. А. Своеобразие прозы Абдуллы Кадыри и его воссоздание в переводе на русский язык: дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1989.
18. Ланчиков В. К. Развитие художественного перевода в России как эволюция функциональной установки // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. – 2009. – Вып. 4. – С. 163
19. Шор В.Е. Как писать историю перевода / В.Е. Шор // Мастерство перевода: сборник статей. – Москва, 1973. – С. 281–290. – Текст: непосредственный